ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Е. И. Семиколенова, А. Г. Шилина

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

В статье определяется место гендерной лингвистики в кругу других направлений современного языкознания.

Ключевые слова: лингвистика, пол, гендер, мужской язык, женский язык, социальный пол, гендерные стереотипы

У статті визначається місце гендерної лінгвістики у колі інших напрямків сучасного мовознавства.

Ключові слова: лінгвістика, стать, гендер, чоловіча мова, жіноча мова, соціальна стать, гендерні стереотипи

The paper defines the place of gender linguistics in the circle of other branches of modern linguistics.

Key words: linguistics, sex, gender, male language, female language, social sex, gender stereotype

Куда-нибудь ты обязательно попадешь, – сказал Кот. –
Нужно только достаточно долго идти.
Л.Кэррол, Приключения Алисы в Стране Чудес

Как известно, ученые считают антропоцентризм (от греч. anthropos – человек) одним из основных парадигмальных векторов лингвистики конца XX века. По меткому замечанию Г.А.Золотовой, «суждения об антропоцентрической направленности лингвистики становятся к концу XX века чуть ли не общим местом» [8, с.107]. Таким образом, реализуется гениальное предвидение Э.Бенвениста: «На основе триады – язык, культура, человеческая личность – могла бы быть создана другая лингвистика» [2, с.45]. И она создается в XX веке: разрабатываются новые подходы к изучению языка, формируются новые направления, школы, в центре внимания которых – человек: «Сейчас человек-хозяин разными путями, в разных концепциях возвращается в науку о языке. Это важнейшая и нелегкая задача – вернуть человека в лингвистику на подобающее ему место» [8, с.107].

Такой «человекоориентированный» подход к изучению языковых явлений сближает лингвистику со множеством других областей знаний, ставя во главу исследований человека как «глубинный центр». В связи с этим в языкознании XX века возникают смежные и дочерние области знания: социолингвистика, психолингвистика, антропологическая лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, прагматика, когнитология и другие. Дадим определения некоторым из них:

Социолингвистика – наука, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии, изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества [13, с.481].

Психолингвистика – наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотнесенности с системой языка. Психолингвистика разрабатывает модели речевой деятельности и психофизиологической речевой организации человека и проверяет их путем психологических экспериментов. Таким образом, будучи по предмету исследования близка к лингвистике, по методам психолингвистика ближе к психологии [13, с.404].

Лингвокультурология – наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [15, с.8].

Когнитология – область науки, в рамках которой исследуются процессы усвоения, накопления и использования информации человеком [6, с.6].

Прагматика – область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи. Лингвистическая прагматика не имеет четких контуров, в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситации общения [26, с.389-390].

Говорящий, мыслящий, чувствующий человек является главным действующим лицом в мире и в языке. Но в мире человек предстает в двух ипостасях – мужчина и женщина. Таким образом, правомерен вопрос: «Человек в языке» – кто ОН? Или ОНА? Мужчина или женщина? Совпадают

или различаются картины мира у мужчин и женщин? Если совпадают, то чем это обусловлено? Если различаются, то почему?

В.А.Маслова отмечает: «Если мужчина в культуре и языке русских и белорусов есть нейтрально-положительное существо, то с восприятием женщин у славян все гораздо сложнее»[15, с.148].

В разных социальных науках, прежде всего в социологии, психологии, философии, начинает укрепляться подход, в соответствии с которым многие различия между мужским и женским поведением, восприятием окружающего мира, реакциями объясняются социальными причинами и определяются термином гендер.

Цель работы: определить место гендерной лингвистики в кругу других направлений социальных исследований в современном языкознании.

Исследования разных лингвистов, в разных странах, на материале разных языков показали, что существуют мужские и женские варианты языков (Э.Сепир, Ю.С.Степанов и др.) [17; 20], которые характеризуются особенностями произношения, словообразовательными ресурсами, грамматическими формами, частотностью употребления тех или иных языковых средств. Различается оценочная характеристика гендерно маркированной лексики, например мужской и женской метафоры в разных типах дискурса (Н.Д.Арутюнова) [1], не совпадает оценочная характеристика мужчин и женщин, зафиксированная во фразеологии и паремиологии (В.Н.Телия, Д.Ч.Малишевская, А.М.Эмирова) [14; 22; 25], выявлены особенности мужского и женского стиля общения (Е.И.Горошко, Р.Лакофф, И.А.Стернин, Л.Н.Синельникова, Г.Ю.Богданович и др.) [7; 12; 18; 21].

Чем вызваны эти различия? Связаны ли они только с биологическим полом или обусловлены иными причинами?

По мнению Э.Сепира, «мужские и женские речевые варианты…ведут происхождение из двух психологически отличных источников…Возможно, редуцированные женские формы являются условными символами менее центрального или менее ритуально значимого статуса женщины в обществе» [17, с.461]. О социальной, а не биологической природе подобных различий пишет и Ю.С.Степанов: «Поскольку социальное различие мужчины и женщины сохраняется дольше всего, постольку тип отмеченных различий – особенности женской речи – сохраняется практически во всех современных языках, даже таких высокоразвитых, как русский, французский, китайский, немецкий и т.д.»[20, с.167]. У обоих авторов речь идет о различиях, вызванных социальными причинами.

Современная социальная наука различает понятия пол и гендер. Традиционно первое из них использовалось для обозначения тех анатомо-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины. Пол (т.е. биологические особенности) человека считался фундаментом и первопричиной психологических и социальных различий между женщинами и мужчинами.

Помимо биологических отличий, между людьми существуют разделение их социальных ролей, форм деятельности, различия в поведении и эмоциональных характеристиках. Антропологи, этнографы и историки давно установили относительность представлений о «типично мужском» или «типично женском». То, что в одном обществе считается мужским занятием (поведением, чертой характера), в другом может определяться как женское. Отмечающееся в мире разнообразие социальных характеристик женщин и мужчин и принципиальное тождество биологических характеристик людей позволяют сделать вывод о том, что биологический пол не может быть объяснением различий их социальных ролей, существующих в разных обществах.

Таким образом, возникло понятие гендер, означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола.

Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли.

Гендер создается (конструируется) обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре, образовании и др.) [19; с.20-21, см. также 4, с. 13-106].

Пол и гендер находятся на разных полюсах в жизни человека. Пол является стартовой позицией, с ним человек рождается, он очевиден с момента рождения, его не выбирают. Пол детерминирован биологическими факторами, гормональным статусом, особенностями протекания биохимических процессов, генетическими различиями, анатомией. Гендер — конструкция иного полюса. Это

своеобразный итог социализации человека в обществе в соответствии с его половой принадлежностью. Мужчины и женщины являются культурными продуктами своих обществ. Решающим фактором в формировании различий является культура: «…женщиной не рождаются, ею становятся» (С. де Бовуар) [23, с.61-62].

Дифференциация понятий пола и гендера означала выход на новый теоретический уровень осмысления социальных процессов, где на первый план выдвигаются подходы, согласно которым все аспекты человеческого общества, культуры и взаимоотношений являются гендерными [5, с.76].

В конце 80-х и в 90-е гг. гендерные исследования стали достаточно распространенными и даже вписанными в научный дискурс. Сегодня невозможно себе представить публикацию в области социально-гуманитарных дисциплин, которая бы обошла вниманием гендерный аспект темы.

Однако еще в 60-х годах XX века понятие гендер в том смысле, как оно используется в настоящее время (социальная характеристика пола), в англо-американском словоупотреблении было неизвестно. В лингвистических словарях это понятие определялось исключительно для описания грамматической категории рода.

С конца 60-х годов XX века в работах по социологии и философии начинает прослеживаться тенденция разграничивать понятия биологический пол и социальный пол (Stoller, 1968, Okaley, 1972, Rubin, 1975 и др.). Для обозначения понятия «социальный пол» был взят термин гендер (от англ. gender – род, пол).

Впервые термин гендер в значении «социальный пол» был введен в научный обиход американским психоаналитиком Робертом Столлером, когда в 1968 году вышла его работа «Пол и гендер: о развитии мужественности и женственности». По мнению Столлера, гендер – это понятие, которое базируется на психологических и культурных пояснениях, достаточно независимых от тех, которые толкуют биологический пол [цит. по 9, с.80]. Затем философ Анна Оклей в книге «Пол, гендер и общество» обратила внимание на то, что «в целом, западное общество организовано вокруг убеждения, что различия между полами более значимы, чем то, что у них есть общего. Когда стараются определить эту разницу в терминах «естественных» различий – здесь смешиваются два процесса: тенденция различать пол и тенденция различать способ существования пола. Первое есть постоянная черта человеческого общества, но второе – нет. И поэтому необходимо различение пола и гендера, если половые различия имеют естественное происхождение, то вторые имеют свой источник в культуре, а не в природе [цит. по 3, с.76].

Только в начале 90-х годов термин гендер приобретает универсальнй научный статус не только в истории и социологии, но и в культуре, политике. Возникает новый компонент в значении термина – гендер как «идеологическая практика».

В русской и украинской лингвистике категория гендер появилась позже, чем в других общественно-гуманитарных науках, что объясняется несколькими причинами (См. подробнее об этом в статье А.Кирилиной, Е.Горошко) [10]. Однако для лингвистических исследований более характерны составные термины с компонентом гендер: гендерный аспект, гендерные исследования, гендерная лингвистика, гендерный анализ и т.п.

В то же время нельзя утверждать, что вопрос о содержательной ясности термина гендер в русско- и украиноязычном пространстве решен, хотя для гендерных исследований он является базовым и характеризуется высокой частотностью употребления [24].

Проблемам, связанным с бурным развитием гендерных исследований в лингвистике, был посвящен доклад А.В.Кирилиной, прочитанный на Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» [11]. По мнению автора, данные о языке, полученные лингвистикой, – один из основных источников информации о характере и динамике конструирования гендера как продукта культуры и социальных отношений. Постмодернистская философия видит в языке главный инструмент конструирования картины мира, утверждая, что то, что человек воспринимает как реальность, на самом деле – языковой образ, социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами языковой системы. Но сам язык не есть продукт некоего высшего разума. Он – следствие человеческого опыта, прежде всего конкретного, телесного.

В современной лингвистике существует несколько взаимосвязанных направлений исследования гендера при помощи анализа структур языка:

- Социолингвистика представляет обширный материал о функционировании языка в группах людей по признаку профессии, пола, возраста, городского или сельского образа жизни и т. д. Именно социолингвистам принадлежит заслуга выявления вероятностного, а не постоянного характера различий в мужской и женской речи.

- Психолингвистика исследует специфику мужских и женских ассоциаций, гендерно специфичное развитие языковой способности человека, детскую речь. В последнее время психолингвистика смыкается с нейролингвистикой.
- Лингвокультурологические и межкультурые исследования выявляют культурную специфику гендера, общее и особенное в его конструировании в зависимости от языка и культуры данного общества, что позволяет установить степень андроцентризма *(*от гр. *anēr (andros)* - мужчина*)* разных языков и культур.
- Идентификационная диагностика изучает письменные и устные тексты (анонимного) автора с целью определения параметров личности, в том числе и пола.
- Феминистская лингвистика (феминистская критика языка) исследует язык с целью выявления «асимметрий в его системе, направленных против женщин», т.е. патриархатных стереотипов, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. Вторым направлением является исследование особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах [10, с.237].

А.В.Кирилина подчеркивает, что, хотя гендер не является лингвистической категорией (исключение составляют социо- и отчасти психолингвистика), анализ структур языка позволяет получить информацию о том, какую роль «играет гендер в той или иной культуре, какие поведенческие нормы для мужчин и женщин фиксируются в текстах разного типа, как меняется представление о гендерных нормах, мужественности и женственности во времени, какие стилевые особенности могут быть отнесены к преимущественно женским или преимущественно мужским, как осмысляется мужественность и женственность в разных языках и культурах, как гендерная принадлежность влияет на усвоение языка, с какими фрагментами и тематическими областями языковой картины мира она связана. Изучение языка позволяет также установить, при помощи каких лингвистических механизмов становится возможной манипуляция гендерными стереотипами.

Все это дает основания утверждать, что в лингвистике формируется новое направление – лингвистическая гендерология, или гендерная лингвистика.

Однако до сих пор отношение к гендерным исследованиям, и в частности к гендерным исследованиям в лингвистике, неоднозначно как в кругу специалистов, так и со стороны научной администрации. На наш взгляд, это связано с историей их становления и развития.

Как известно, в начале 70-х годов XX века в американских университетах возникли так называемые женские исследования (women’s studies), в рамках которых женщины изучали и переосмысливали опыт женщин.

В 80-е годы начинается новая фаза в развитии женских исследований, отмеченная переходом от анализа патриархата и специфического женского опыта к анализу гендерной системы. Наблюдается постепенное смещение акцентов: от анализа женского фактора и констатации мужского доминирования – к анализу того, как гендер присутствует, конструируется и воспроизводится во всех социальных процессах и как это влияет на женщин и мужчин. Женские исследования постепенно перерастают в гендерные.

Но еще до середины 90-х годов на постсоветском пространстве гендерные исследования, выросшие из женских исследований, были доступны далеко не всем, оставались узко-элитными, где действовали правила закрытого «женского клуба». Именно в связи с этим Л.П.Репина отмечает, что «вхождение «женской истории» (а она именно и воспринималась как сугубо женское и дилетантское занятие) в академическую науку отнюдь не напоминало «триумфальное шествие». Сами обстоятельства рождения «истории женщин» на волне сексуальной революции, неослабевающее идейное влияние на нее феминистского и леворадикальных движений, длительный период «непризнания» и полумаргинального существования во многом определили особый, сплоченный характер складывающегося внутринаучного сообщества. Ярко выраженный «феминистский акцент» не только не способствовал его самоопределению, но и создал тот дух «изоляционизма и кастовости», преодоление которого столкнулось с серьезными трудностями и до сих пор еще не завершено» [16, с.10].

Кроме того, женские, а затем гендерные исследования в конечном итоге – это исследование причин и последствий социальной несправедливости и к женщинам, и к мужчинам (в истории, традициях, языке, СМИ и т.п.). А чувство несправедливости, дискриминированности – осознанное социальное чувство. Чтобы понять и принять идеи о нарушении гендерной справедливости, гендерном дисбалансе, описать и проанализировать факты гендерной асимметрии в языке, нужен собственный осознанный социальный опыт. Иначе существует опасность агрессивного неприятия, отстраненности и даже отторжения.

Но у многих исследователей этот опыт часто неосознан, неочевиден. Некоторые отвергают его вообще, в полной уверенности в том, что его у них нет: «Я это не принимаю (не понимаю и

т.п.), поэтому не признаю». В качестве основного «аргумента» в подобных «дискуссиях» часто звучит: «Этого нет, потому что не может быть». Хотя на самом деле это не так: гендерный опыт, по мнению О.А.Ворониной, появляется у ребенка еще до его рождения.

Одной из основных причин маргинализации гендерных исследований О.А.Воронина и другие исследователи считают маскулинный характер традиционной науки, который обнаруживается во многих явлениях. Так, само определение науки дается через использование маскулинных атрибутов: объективности, рациональности, строгости, имперсональности, свободы от ценностного влияния. Но главное, в чем выражается маскулинизм европейской науки, – это сам характер производства знаний. Отвергая те способы познания, которые традиционно ассоциируются с феминным (интуицию, чувственное познание), или те виды опыта, которые определяются как не мужские, наука отворачивается от многих иных способов познания мира. Андроцентризм науки выражается и в том, что объектами изучения традиционно являются мужчины и маскулинное. Так, например, биология, антропология, медицина и психология долгое время изучали под видом «человека вообще» мужчину. Традиционные исторические исследования касаются, как правило, событий «большой» (мужской) истории – войн, битв, революций, смены династий. Повседневная жизнь людей, считающаяся сферой деятельности женщин, редко оказывается в поле зрения исследователей. Женщины, таким образом, оказываются «спрятанными» от Истории, но и сама история оказывается достаточно односторонней. Даже «иерархия наук» носит маскулинный характер: более престижными и уважаемыми считаются строгие науки вроде математики или физики, менее уважаемыми и «солидными» – «феминные», вроде литературоведения и лингвистики [5, с.73].

Поэтому формирование гендерного подхода в социальном и гуманитарном знании в сущности является гораздо большим, чем просто появлением новой теории. Это – принципиально новая теория, принятие которой иногда обозначает изменение ценностных ориентаций человека и ученого и пересмотр многих привычных представлений и «Истин». Это своеобразное переключение регистров, смена акцентов, новые проекции, иная плоскость исследования. Это шаг в Зазеркалье, которое существовало всегда, но довольно долго было окружено молчаньем. Использование гендерного подхода в социальном и гуманитарном познании представляет широкие возможности для переосмысления культуры, истории, языкознания.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Мужчины и женщины: конкурс красоты // Gender – Forschung in der slawistik. Beiträge der Konferens «Gender – Sprache – Kommunikation – Kultur».28. April bis. 1. Mai 2001. – Wien, 2002. – S.483-499.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
3. Брандт Г.А. Природа женщины. – Екатеринбург: Изд-во УралНАУКА, 1999.
4. Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под общей ред О.А.Ворониной – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – С.13 – 106.
5. Воронина О.А. Основы гендерной теории и методологии // Материалы Международной конференции «Гендерное образование», 4-5 ноября 2003. – Бухара. – С.72-80.
6. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С.5-11.
7. Горошко Е.И. Языковое сознание: Гендерная парадигма. – М.:Харьков: Издательский Дом «ИНЖЭК», 2003.
8. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С.107-113.
9. Иващенко О.В. Гендерна наукова перспектива: Від світогляду до політики // Соціологія: Теорія, методи, маркетинг. – 1998. – №6. – С.78-92.
10. Кирилина А.В., Горошко Е.И. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. – 1999. – № 2. – С.234-241.
11. Кирилина А.В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: Проблемы, связанные с бурным развитием // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация, МГЛУ, Москва, 22-23 ноября 2001 г. – М.: МГЛУ, 2002. – С.5 – 12.
12. Лакофф Р. Язык и место женщины // Введение в гендерные исследования. Ч.II: Хрестоматия. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С.784-798.
13. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов.энцикл., 1990.
14. Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») // Фразеология в контексте культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С.180-184.
15. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997.
16. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. – М.: РОССПЭН, 2002.
17. Сепир Э. Мужской и женский варианты речи в языке яна // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С.455-461.

18. Синельникова Л.Н., Богданович Г.Ю. Введение в лингвистическую гендерологию: Материалы к спецкурсу. – Луганск: Симферополь, 2001.
19. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А.Денисовой. – М.: «Информация - XXI век», 2002.
20. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975.
21. Стернин И.А. Общение с мужчинами и женщинами. – Воронеж, 2001.
22. Телия В.Н. Русская фразеология в зеркале национального менталитета // Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С.238-269.
23. Чикалова И, Янчук Е. Гендер: введение в понятие: Авторские методические разработки) // Иной взгляд. – Минск. – №2. – С.61-62.
24. Шиліна А.Г. Про зміст терміна “гендер” // Уповноважена освіта – шлях в третє тисячоліття: Міжнар. наук.-практ. конф., 19-23 груд. 1999 р./ Під ред. О.Сусловой. – К.: Бланк-Прес, 2000. – С.126-129.
25. Эмирова А.М. Гендер в зеркале русской фразеологии // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 36. – С.210-212.
26. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.